

Прежнее хорошее настроение Джоффри почти исчезло, когда он управлял Станнисом; повозка продвигалась вверх и вниз по холмам, и на горизонте постепенно выросла Эбеновая Голова. Это был самый южный полноценный город на Джала, да и в общем на Летних островах, простиравшийся до устья реки Джол, окруженный красивыми рядами черных, высоких Эбеновых деревьев.

Большинство зданий было построено из эбеновой и других сортов твердой древесины, они поднимались над землей, возвышаясь на высоких сваях, нависая над широкой речной дельтой, соединенные между собой мостиками. Под ними аж толпилось от каноэ; часть была привязана к сваям, но немало сейчас продвигалось по реке туда-сюда, перевоза горожан... которых становилось все меньше и меньше в течение последних нескольких месяцев.

Ритуал Последней Любви становился все популярнее с продвижением зимы, когда оказалось, что пророчества, вырезанные на Сказующих Древах Уалано, оказались правдой. Рассказывали, что на Уалано – самом северном из трех основных островов – не останется ни одной живой души до момента, как Ходоки доберутся туда... а потом настанет черед Джалы.

Джоффри повел Станниса правым ответвлением пути, минуя город, и повернул на запад, следуя приморским путем. Вскоре он подъехал к одинокому дому, построенному из эбеновой древесины, окруженному белым песком, мерцавшим под солнечными лучами. Его дом выглядел как конец большого черного пальца, что вырос посреди пляжа; волны мягко накатывались на небольшой пирс, что простирался в море неподалеку.

Я дома.

Джоффри завел Станниса в небольшой хлев возле дома, снял ошейник и оставил его у ночлега с водой. Он похлопал ладонью по стволу тикового дерева, пока что оставляя его в телеге.

- Скоро, - сказал он.

Юноша вышел из хлева, но прежде чем успел зайти в дом – маленькая райская птичка села ему на плечо. Птичка защебетала приятную мелодию, над ее головой покачались три голубых перышка, когда она посмотрела на человека. Крошка запорхала к ряду деревьев на противоположной стороне дороги, и Джоффри фыркнул, прежде чем последовать за ней.

Джунгли вокруг больше напоминали редколесье, в куполе древесных крон виднелись значительные прогалины, сквозь которые солнечные лучи пробивались между листьями. Джоффри следовал за маленькой птичкой, улыбнувшись, когда услышал водоворот звуков впереди.

Он нашел там Сансу; она сидела под светло-бурым чардреем; кроваво-красные листья падали, кружась под порывами теплого ветра, что нес эхо морозов. На дереве сидело по-видимому сотни разнообразных райских птиц разных видов, окрашенные в голубые, алые и багровые краски. Они медленно щебетали, глядя на Сансу; цвета их перьев размывались, переходя в ярко-желтые и блекло-синие, когда зеленая валирийская свеча перед Сансой пульсировала; вокруг нее мерцали маленькие окна в другие реальности.

Они вместе восприняли необычное присутствие чардрева как очевидный небесный знак, что здесь и стоит построить собственный дом, но дерево до сих пор казалось несколько чужим в этом месте для Джоффри. Он привык видеть такие деревья под серыми небесами или с свежавывающим снегом.

Юноша взглянул на мерцание вокруг Сансы и остановился, опершись на одно из Эбеновых

деревьев, окружавших чардрево. Большинство видений показывали бескрайние заснеженные просторы, снегопады и метели, что тянулись насколько мог видеть глаз, точнее глаза и уши Сансы, пока она искала место, где влияние Красной Кометы ощущался сильнее всего.

Однако ни одно из окон не вело к Землям Вечной Зимы, хотя сквозь него виднелся снег и ледяная корка. На замерзшем берегу большим кругом стояло где-то с тысячу Иных, сплетя руки между собой. Их глаза как будто аж светились энергией Красной Кометы, руки сплавлялись, так как будто начали таять; ветер и снег усиливались каждую секунду, пока мороз не сделал их одним целым; белый айсберг начал расти посреди них и рос больше, больше и больше, пока не достиг размеров Красного Замка.

Вскоре Иных поглотило их собственное детище, заморозив внутри себя. Позади них еще больше Иных и бесчисленные орды вихтов маршировали к той конструкции из льда и красной мощи, намереваясь зайти внутрь, пока это все не замерзло в монолит, и начать путешествие. Джоффри узнал отдаленный контур Тироша, руины его величественных черных куполов, пока тысячи тысяч вихтов выходили из города; роскошно одетые магистры и рабы с ошейниками соединились в смерти, войдя в общий легион конца света.

Санса глубоко вдохнула, когда гудение окон начало стихать, все уменьшаясь, пока они распались на резкие цвета, от появления которых Джоффри зазвенело в ушах, и фракталы мигнули на периферии поля зрения.

Он и его жена экспериментировали, оттачивая понимание своих собственных душ, чтобы научиться использовать собственную энергию Пурпура как источник силы, своеобразную замену магии крови. Даже поврежденная и искалеченная, та сила пурпура, хранилище энергии, сплетение фракталов - как хотите, так и называйте - казалось невероятно бесконечной по сравнению с теми щепотками, что Санса держала в себе.

Глубинные говорили, что Пурпур проводит целые эпохи между циклами в перезарядке, каким-то образом... и как оказалось, прошедшие годы дали свои плоды.

Она улыбнулась, когда увидела его; девичьи глаза мелькнули, став из белых ярко голубыми, и немало птиц сразу поднялись в воздух. Она до сих пор еще не нашла то место, ведь немедленно бы сообщила мужу в случае успеха.

- Ты опять мрачен, - сказала она.

- Я встретил Жантаса и Хару на пути домой...

Санса буркнула, приподнимаясь на одеревеневших догах. Джоффри подошел, чтобы помочь ей, и они поцеловались, прежде чем уйти с поляны.

- Все больше и больше людей прибегает к последнему Ритуалу...

- Я бы лучше погиб с мечом в руке, однако признаю, что есть кое-что заманчивое в смерти во время любовной страсти, - сказал он, улыбаясь против собственной воли. Когда-то его удивило, когда юноша узнал о том, что пожилые люди имеют собственные пророчества о наступлении долгой ночи, хотя их версия была необычно фаталистичной, учитывая их отношение к жизни в этих землях.

Самые старые и самые святые деревья, росшие внутри города Высокодрев - сосредоточия религиозных традиций на Летних островах-содержали резьбы, говорящие о Конце света. О временах, когда снег будет падать в землях вечного лета, когда с далекого севера придет

лавины мертвых, пересечет моря и приведет к гибели всего мира.

Видимо поэтому и не было таким уж странным, что островитяне принимали смерть на собственных условиях после того, как напрямую столкнулись с очевидной истиной своих собственных верований.

- Как далеко они уже дошли? - спросил он жену.

- Те, что на суше? Самая южная орда вчера подошла к Красным гор, преследуя остатки последователей Эйгона, которые отступили в Дорн. Они занялись укреплением горных перевалов, в меру собственных возможностей, но не думаю, что это задержит продвижение вихтов больше, чем на месяц или два.

- Тирошийский айсберг тоже двинется туда? Пересечет Дорнийское море?

- Пожалуй нет, его же создали на южном берегу острова. Иные – существа прямые, с таким успехом они могли бы все вместе указать направление пальцами через море, - ответила Санса.

- Гм. Тогда следующим будет Лис, - Джоффри взял Сансу за руку, когда они подошли к границе джунглей.

- Вероятно. Нет нужды атаковать Дорн из-за моря, это лишнее, когда оживший дракон и тысячи крылатых вихтов сметут оборону на горных перевалах...

- Скорость их продвижения увеличивается... - Джоффри склонил голову, пытаясь повернуть ход мыслей на более приятное направление. К счастью, Санса сделала это за него.

- Вижу, что ты нашел идеальную древесину в Белом лесу.

Он гордо улыбнулся:

- Нашел. Она поплывет, Санса, ох как она поплывет, - сказал юноша, переполненный ожиданием, когда они подошли к своему небольшому дому на пляже.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1996588>